

FOLKLOR POLSKI I LITEWSKI
(Zróżła – adaptacje – interpretacje)
pod redakcją A. Baranowa, J. Ławskiego i V. Wróblewskiej
Toruń 2021

HENRYK PIETKIEWICZ (Гендрик Петкевич)
(Университет Vytautas Magnus)

Фольклор старообрядцев Литвы: Польская и белорусская составляющие

Традиционная культура русских старожилов долгое время оставалась практически неизвестной науке. Массовое собирание произведений русского фольклора в Литве началось гораздо позднее, нежели в соседних странах Балтии. В начале и в первой половине XX века записи носили случайный характер, были зафиксированы собирателями лишь единичные тексты, что не давало даже приблизительного представления о состоянии фольклорной традиции. И лишь в 1960-е годы, в связи с введением в учебную программу Вильнюсского университета диалектологической и фольклорной практики, полевые исследования заметно активизировались. В те годы студенты-филологи побывали почти в каждой деревне, на каждом хуторе, жители которых считали своим родным языком русский. Этой трудоемкой работой руководила Нина Константиновна Митропольская (1921–1993). В университете Н.К. Митропольская работала несколько десятилетий, около 20 лет заведовала кафедрой русской литературы, бесценно руководила фольклорной практикой студентов (1960–1987 гг.). Под ее руководством опубликована серия подборок произведений разных жанров, которые были напечатаны в «Ученых записках» вузов Литвы, сборниках «Русский фольклор в Литве», в академическом сборнике «Фольклор русского населения Прибалтики». Она составила «Общий указатель сюжетов и вариантов ска-

зок, записанных от русских старожилов Литвы», в котором учтено более 1100 произведений. Созданный под ее руководством фольклорный архив кафедры русской филологии Вильнюсского университета содержал более 60 тыс. записей фольклорных произведений разных жанров. Эти тексты представляют несомненную научную и художественную ценность. Этим архивам могут позавидовать многие исследовательские центры.

В педагогических вузах Литвы учебная практика не проводилась, но члены фольклорного кружка Вильнюсского педагогического института под руководством профессора Юрия Александровича Новикова также проводили довольно активную собирательскую работу.

Новым этапом в собирании, систематизации и изучении фольклора можно назвать 1995 год, когда при Вильнюсском университете была создана Интердисциплинарная группа по изучению старообрядцев Литвы, позднее преобразованная в Ассоциацию исследователей старообрядчества в Литве. В Ассоциации объединились представители ряда смежных научных дисциплин: историки, этнографы, диалектологи и историки языка, фольклористы-словесники, специалисты по народной музыкальной культуре, рукописным и старопечатным книгам. С 1996 года организовывались комплексные экспедиции в разные районы Литвы и приграничные старообрядческие деревни Латвии и Беларуси. Отметим, что социокультурные процессы в современном мире определяются двумя генеральными тенденциями: с одной стороны, становлением единой постиндустриальной культуры, которая свидетельствует о значительных интеграционных процессах, с другой – повторным открытием национальных индивидуальностей, языка и культуры, обращением к проблеме этнокультурной идентичности. Материалы экспедиций показали, что, как и в прошлом, так и в настоящее время старообрядческие общины являются значительными духовными и культурными центрами. Сохраняя черты каноничности и непрерывную связь с традицией, эта часть русской культуры, конечно же, видоизменяется. Тем не менее некоторые важные ее аспекты остаются до сих пор малоизученными, а само староверие является почти неизвестной и несколько загадочной для многих граждан Литвы религиозной традицией.

Своеобразным результатом экспедиций можно назвать трёхтомный сборник фольклора старообрядцев Литвы (I том – Сказки, пословицы, загадки. – Вильнюс, 2007 г., II том – Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. – Вильнюс, 2009 г., III том – Народные песни. Частушки. Детский фольклор. – Вильнюс, 2010 г.). Это первое издание такого масштаба, знакомящее нас с фольклорными произведениями разных жанров, записанных от старообрядцев Литвы во второй половине XX века. Первый том, подготовленный профессором Ю.А. Новиковым, включает более 200 текстов сказок, около 4000 пословиц и поговорок и свыше 300 загадок. Многие из текстов публикуются впервые, другие были напечатаны когда-то в малодоступных научных сборниках и журналах Литвы и России. Во II томе публикуется более 1000 текстов, которые напрямую связаны с народной бытовой магией и мифологией, регламентируют поведение людей, объясняют особенности окружающего мира. Это христианские легенды, предания, поверья; календарные, семейные и хозяйственные обряды; заговоры и рассказы об их бытовании; мифологические сказания разных тематических циклов. В III-ий, заключительный, том включены все доступные составителю варианты духовных стихов, старинных баллад, исторических календарных песен, а также наиболее полные варианты семейных обрядовых и бытовых лирических песен, частушек, песенно-стихотворные произведения детского фольклора.

Знакомясь со сборниками, можно заметить, что, несмотря на географическую отдаленность от своей прародины, русские старожилы Литвы не были от нее изолированы в культурном плане: их фольклорная традиция оказалась открытой для восприятия и реализации общерусских тенденций развития духовной культуры в XIX–XX столетиях. Вместе с тем на систему жанров, на репертуар и даже на стиль местных певцов и рассказчиков определенный отпечаток наложили длительные контакты с соседними народами. Для Литвы, как отмечают исследователи, не характерны компактные, тяготеющие к замкнутому образу жизни старообрядческие общины. Как правило, русские деревни соседствуют с литовскими или польскими, а еще чаще население в них смешанное – литовцы, русские, поляки, белорусы, литовские татары. Это создавало исключительно благоприятные условия, «особый фольклорный микроклимат»,

способствующий активному взаимодействию и взаимообогащению традиционных культур разных народов.

Особенно часто старообрядцы заимствовали у соседей сказки, бытовые лирические песни, пословицы и поговорки, загадки, исторические и топонимические предания. Во вступительных статьях к отдельным разделам и к томам в целом, в комментариях к текстам они сопоставляются с аналогичными произведениями литовского фольклора, а также с записями, сделанными от староверов Латвии, Эстонии и северо-запада Беларуси.

В районах с многонациональным населением в фольклоре каждого народа важную роль играют межэтнические и межконфессиональные отношения, проблема языкового барьера. Особенно это своеобразие региона отразилось в бытовых сказках старообрядцев. В сказках герои часто переходят с русского языка на польский (местный речевой этикет XIX века), их речь пестрит литовскими и белорусскими словами (лит. – *статула* / *statula*, *рагана* / *ragana*, *довинта* / *dovyti* [изводить], *шерюк* / *šeriūotas* [щетинистый], *не рупи* / *nesirūpink* [не беспокойся], *рапуга* / *ripūžė* [жаба], *ачу* / *ačiu* [спасибо], белор. – *волна* / *воўна*, *веселье* / *вяселле*, *рушник* / *рушнік*, *сделай ласку* / *калі ласка*, *полеванье* / *паляванне*, *махляр* [обманщик], польск. – *млеко* [молоко], *крова* [корова], *нех жие* [пускай живет], *попсул* [испортил], *виштики* [все], *ровэр* [велосипед], *чо маеешь* [что имеешь], *глова* [голова], *пишишла* [пришла], *проша сядаць* [прошу садиться], белор. и польск. – *хвороба* [болезнь], *марец* [март], *убочай* [извини], *упарта* [упрямая] и т.д.). В некоторых текстах обыгрывается взаимное непонимание носителей разных языков (русского и польского, польского и белорусского), персонажи отпускают весьма колкие острооты в адрес собеседников иной национальности:

Про белоруса и поляка-ксендза

Приходит к ксендзу белорус. Человек низко кланяется, снимает шапку. А дверь не закрыл, открытую оставил. Ксёндз был поляк и говорит вошедшему:

– Замыкай!

А белорус смотрит недоуменно на ксендза и молчит. Ксёндз снова повторяет своё слово. Белорус ему в ответ:

– Не могу!
В третий раз уже кричит ксёндз:
– Замыкай!
И тогда белорус замычал: «Му-у-у!»¹

Побасенка

В Литве поляки живут и русские. Раньше поляки Литвой владели, а литовцев, русских не любили, за людей не считали. Говорили:

– Мы, поляки, из белой пшеничной муки сделаны, а вы – из глины.

А русские отвечают:

– Вас Бог из пшеницы сделал, а собака прибежала и взяла, не отдаёт. Рассердился Бог, стал собакой об дерево бить. Где об ольху ударит, где – об вишню, где – о берёзу, о сосну. Вот и получились Ольшевские, Вишневские, Березовские, Сосновские, а нас, русских, Бог из глины сделал и в огне обжёл. Вот и стали мы крепкие, и собака нас не трогает².

Пословицы и поговорки

Он поляк: как ни делай всё не так. (Уточняет: Поляки норовистые)³.

Польско войско гонорово, моторово – вшистке на роврах⁴.

Прожил бы сто год без суббот. (Об еврейских праздниках)⁵.

Неверная душа, как в латыша. (Об иноверцах)⁶.

Не чуваша родня ваша, Мордва – на грош два, на копейку вся семейка.

Такой родни по всей мордвы, а пообедать негде⁷.

Однако такое непонимание весьма редко. Свободное владение старообрядцами двумя или тремя языками способствовало расширению фольклорного репертуара, заметно обогащало арсенал художественно-выразительных средств. К примеру, влиянием литовской традиции объясняется пристрастие русских сказочников к речитативному или напевному исполнению повторяющихся стихотворных формул, обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами,

¹ Ю. Новиков, *Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование, т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки*, Вильнюс 2007, с. 346.

² Там же, с. 345–346.

³ Там же, с. 465.

⁴ Там же, с. 462.

⁵ Там же, с. 474.

⁶ Там же, с. 479.

⁷ Там же, с. 370.

характерными и для разговорной речи литовцев, и для языка их народной поэзии. Отмечается и творческий подход исполнителей к заимствованным эпизодам и образам, стремление подчинить их своей национальной традиции (Ужа – заменяет водяной, Бабу-ягу – рагана или змея) Особенно эти процессы проявились в пословицах и поговорках. Заимствованные у поляков и белорусов пословицы чаще всего употребляются без перевода (сказывается родство языков), литовские же обычно переводятся дословно (калькируются). Можно сказать, что билингвизм и полилингвизм – обычное явление этих мест. Цель данной статьи исследовать белорусскую и польскую составляющие в фольклоре старообрядцев Литвы. Учитывая довольно ограниченный объем статьи, остановимся только на жанре пословиц и поговорок.

В пословицах довольно много реалий, отражающих проживание старообрядцев по соседству с белорусами и поляками. *Два Юрья, а оба дурни: один холодный, другой голодный* – праздник святого Георгия Победоносца отмечается два раза в год – весной, 23 апреля по старому стилю, когда в хозяйстве заканчиваются все припасы (голодный), и в начале зимы, 26 ноября (холодный). В большинстве областей России Георгия Победоносца в народе называют *Егорий*, у белорусов распространена другая форма его имени – *Юрий (Юрья)*. Поэтому данный текст, скорее всего, позаимствован у соседей-белорусов. Белорусские и польские имена встречаются и в других текстах: *Як Якуб Богу, так и Бог Якубу*⁸; *Па Юрке и шапка*⁹; *Ты, як Каролина – давишся мякиной. Твоя Каролина, як выжата цитрина [лимон]*¹⁰; *за моё добро мне и Стефан хлеба даст; не будь, как Роман, не сдавайся на обман*¹¹. «Все пословицы народом строятся»¹² – это действительно так. Проживая по соседству с белорусами, старообрядцы начинают использовать в своих пословицах слова, обозначающие родственные отношения. Такие близкие каждому белорусу и поляку слова как «матуля», «жонка», «бацька», «ойцец», «сёстра» встречаются в этом фольклорном жанре весьма часто:

⁸ Там же, с. 431.

⁹ Там же, с. 507.

¹⁰ Там же, с. 523.

¹¹ Там же, с. 526.

¹² Там же, с. 434.

Не поймёшь – или дровы секёт, или жонку бьёт. (Слышно: «Эх-эх-эх!»)
По-твоему, жонку отдай дяде, а сам воротись к батьке? Дудки!
Дал Бог урожай – батька дочку наряжай.
Как батька набил – что я знал, и то забыл.
Все глаза батьке завесил.
Залепи батьке дерьмом бороду.
Забирай свои сбруи и отчаливай к матуле!»
Моя сёстра на язык востра.
За таким ойцем не будешь пропойцем¹³.

Швагры, швагерки, мальцы, дитюки, бабули, дядули – получили также постоянную прописку в ярких паремиях:

Швагра бьёт смагло. («Швагра» – швагер, деверь)
Швагра, целуй смагло! («Смагло» – это крепко или сильно)
На что это похоже – жену от швагерки отличить не может! («Швагерка» – сестра жены)
Были девкам[и], были мальчикам[и]; всё прошло, как через пальцы.
 («Малец» – парень, юноша)
Громче петухов девки поют, мальчикам спать не дают.
Как тюк, так дитюк. (Частые дети)¹⁴.

Часто даже сами исполнители отсылают нас к «белорусским или польским первоисточникам»: «Маменька, меня мальцы любят! Как проз люди – всё камнем в груди». (Приходит ободранная вся. «Что в тебя?» «Маменька, меня мальцы любят...» «Проз люди» – как выйти на люди... Это идёт с белорусского; просто байка такая)¹⁵. А влияние польского фольклора порой проявляется в употреблении отдельных иноязычных слов без перевода:

Ведёшь гандыль и торжок – завсегда полный горшок¹⁶.
Верти не верти, а трэба умерти¹⁷.
Господыня цо чеба – и мыя, и шия¹⁸.

¹³ Там же, с. 385–533.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 391.

¹⁶ Там же, с. 379.

¹⁷ Там же, с. 387.

¹⁸ Там же, с. 403.

Многие заимствования из польского языка опознаются по ударениям на предпоследнем слоге в рифмующихся словах:

Пришли черти с бора и гонят пана с двора.
 Марец кусает за палец.
 Ша, дети, муха леци!
 Ваше дело – зробиць тело, а душой одарит Бог¹⁹.

Порой источник заимствования установить не просто, так как некоторые слова одинаково звучат и в польском языке, и в западнорусских говорах: «И деньги стратишь, и ей не втрапишь [угодишь]». Польские пословицы также часто воспроизводятся почти без изменений, на русский язык переводятся лишь вспомогательные слова (предлоги, союзы, частицы):

И свинья господыня, кеды пэлна скрыня²⁰.
 Хвали инных жвента и о себе поментай²¹.
 Проше сядаць, бендзем гадаць, что в торба положить²².

Садво, мыдво и пшеклентый вой. (Женщина не выговаривалп «л». Мыло – дык «мыдво», сало – «садво». А она в магазин пришла, просит лою; жир говядины, жир баранины – это сало называется «лой». А она – садво, мыдво выговариваю, а тэн пшеклентый вой [«тот проклятыйлой»] нияк не выговариваю»)²³.

Похоже обстоит дело и с большинством белорусских паремий:

Забирай свои сбруи и отчаливай к матуле.
 Матка бьёт – на печку гребись, а муж бьёт – за клямку держись!²⁴

В пословицах и поговорках старообрядцев Литвы исследователи находят довольно большой пласт вкраплений бытовой белорусской и польской лексики. Это своеобразный результат исторически на-

¹⁹ Там же, с. 387–434.

²⁰ Там же, с. 417.

²¹ Там же, с. 457.

²² Там же, с. 422.

²³ Там же, с. 436.

²⁴ Там же, с. 397.

раставшего сближения русских старообрядцев с их соседями-белорусами:

Век прожить – не мех сшить («Мех» – мешок)
От тюрьмы, от торбы не отрекайся.
Оженился мешок с торбой – ну, и добра!
Морда – не торба, не для всякого.
Сердце, як на плите фаерце. (Сердце плохо ему... На простых плитах
есть фаерки – круги такие)
Матка бьёт – на печку гребись (забирайся), муж бьёт – за клямку дер-
жись. (Т. е. Убегай из дома; «клямка» – щеколда для открывания двери)
Людей оговорил, что в варятке язык обарил. («Вараток» – кипятки)
Там тебя прямо за дупу – и на цвек! («и на цвек» – на гвоздь, пол. «дупа» –
задница)
Разум – не кисет, с кишения не выберешь. («Кишень» – карман)
Забирай свои цацки (игрушки) и иди на свой дединец (двор).
Другой радости нет – то и хрен цацка.
Попал в пастку – и кукуй. («Пастка» – мышеловка, ловушка, капкан)
По чужим кутам всю жисть не проживёшь. (Присловье к безземельно-
му.) («Кут» – угол).
По новой моде: чашки, ложки под столом, а пантофли в комоде.
Всё до щенту промотал!
Служка, лезь под лужко, подай пану лапти²⁵.

Не исключено, что с белорусским влиянием связана и пословица (без белорусской лексики) – *Не привязанный медведь не пляшет*. В имении князей Радзивилов в XVII–XIX веках находилась знаменитая «Сморгонская медвежья академия», где дрессировали медвежат для выступлений в медвежьей комедии, медвежьей потехе на ярмарках. «Выпускники» Сморгонской академии со своими вожатыми «гастролировали» во всех северо-западных губерниях Российской империи. Из приведенных выше примеров мы видим, что люди, живущие по соседству, не могли находиться в изоляции. Между ними возникали торговые, культурные, бытовые отношения.

Общаясь между собой, соседи заимствовали друг у друга предметы домашнего и личного обихода. Одновременно усваивали и называющие их слова. «Чужие» слова иногда так прочно усваивались, что люди даже «забывали их иностранное происхождение»:

²⁵ Там же, с. 385–533.

Животный и растительный мир

Промежу их шура не пролезет. («Шура» – крыса. Это уже дружно живут, договоривши).

Сидит, як шура под метлой.

Развелось, как пацуков хвостатых. («Пацук» – крыса)

Нацупался, как пацук на крупы.

Визжит, как парсюк недорезанный. («Парсюк» – боров, поросёнок)

Как шпаки – однодверцы, однодырцы. (Это бедные уже). («Шпаки» – скворцы)

Цапнул, как ботьян жабу. («Бацян» – аист)

Сменял быка на индюка (индюка).

Пошла Юля по цыбулю, а ни Юли, ни цыбули. («Цыбуля» – лук)

Поехал с бураками на мельницу.

Кончилась бульбяная (картофельная) каша. (Бульбяная каша не такая уже и важная, а, значит, и она кончилась)²⁶.

Торговые отношения

Ведёшь гандель и торжок – завсегда полный горшок. («Гандель» – как обмен товара идёт: «Давай сгандлюем!» Ещё есть такая байка: «Чем гандлюешь?» «Мелким рысом.» «С кем гуляешь?» «С чёртом лысым!»)

В один день два кирмаша не отбудешь. («Кирмаш» – сельская ярмарка, базар)

Раньше так и на кирмаш не одевались.

Нам бы гроши и девушки хороши. («Гроши» – деньги)²⁷

– А ты за чым?

– Куплять зайчин! (нечего делать человеку, идёт прогуляться на ярмарку или зайти в магазин).

Встречают его: «Куда?» «В магазин» «А за чым?» «Куплять зайчин» Ему, может, говорить нельзя, за чем...

Дар за дар – дарма ниц²⁸.

Трудовые и личные отношения

Какая праца, такая и плата. («Праца» – работа)

Кусок хлеба с рук валится – говорят, не заробил. (Шуточная примета; «заробил» – заработал)

Гультай не боится, что залежится. («Гультай» – лентяй)

²⁶ Там же, с. 385–533.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 482.

Нашли толочанов – им своих сосков не подобрать! («Толочане», «талачане» – участники «толоки», совместной работы)
Увага – делу на благо. («Увага» – внимание)
Взялась и роби (работай).
Ходишь, как бык по шкоды, без делов. («Шкода» – вред, порча)
Робил, робил, поки попул; правил, правил – и вытужил.
Наилепший друг обдул вокруг.
Кеды даст пан хлопцам обедать – Богу ведать.
К девкам рвётся – пёсом воет, а вернётся – гэмбы моет²⁹.

Традиции

А вот моя пасага (приданое), могу замуж выходить. (О «смерётной одежде», заранее приготовленной для похорон. В народных обрядах и обычаях смерть нередко уподобляется свадьбе)
Чего плачешь? Веселися, бо вяселля твоя дисе! («Вяселля» – свадьба)
Пришла рогатка в хату. (Это сынова уже – невестка, сноха)
Такие деньги я и на могилках получу. (Мало. «Могилки» – кладбище, «получить на могилках» – получить подавание на кладбище в дни поминовения умерших)
Конечно: панам яечна (яешня), а тебе клёцки. («Ай, ай, чем же вас угостить?» Самое лучшее в старину было – яичницу, самому дорогому гостю. А теперь яичницу пекут, как нечего кушать)
Конечно: свату яечня, а жениху – клёцки.
Говорят, где фэст, там и я есть.
Куда я пуйда, не мывшись, не кстившись³⁰.

Народы-соседи всегда много заимствуют друг у друга, особенно в языке. И чем теснее отношения рядом проживающих людей, тем все больше редких, малоупотребительных слов одного народа мы находим в лексике другого. Исследователей не удивляет, когда в пословицах и поговорках старообрядцев мы встречаем такие слова как *снеданне* (завтрак), *надвячорак* (полдник), *ён / яна* (он / она), *нядзеля* (воскресенье), *махляр* (лгун), *смачный* (вкусный), *нашто* (зачем), *шчырый* (искренний), *нарэшце* (наконец-то), *травень* (май), *вяликий* (большой), *колер* (цвет), *дись* (сегодня), *пэлна* (полная), *рэшита* (сдача), *высна* (остров), *сигнет* (перстень) и другие. Но вызывает приятное удивление, когда старообрядцы в свои фольклорные произведения

²⁹ Там же, с. 385–533.

³⁰ Там же.

включают «особые слова» белорусов и поляков. Так довольно часто у староверов встречается белорусское слово «хвароба» (болезнь), «болка» (болячка) – *Отстань, хвароба, иди ты на сухой лес!* (Фрагмент заговорной формулы)³¹; *Чужая болка не болит*³²; *Какая его хвороба несёт? Какая хвороба, такое и лекарство*³³. Но мы можем также встретить и «белорусскую конкретизацию» болезни:

Чтоб тебя мышки хватили! (Это лошадь мышки хватают. Люди говорят – крота живого замучить, порвать, эту лошадь погладить в кротовой крови, и пройдут эти мышки. И про человека так само: «Чтоб тебя мышки хватили!» А как хватают, конь весь дрожит и валится.) В белорусском языке «мышки» – «хвароба каня» (болезнь лошади)³⁴.

Весьма интересные ситуации с польской лексикой, когда обозначаются беспокойные, волнительные, можно сказать, щепетильные ситуации:

Цо тут за дудки грае сутки? (Неспокойно)

Часу мае – нех болтае!

Качки – не качки, а надо держаться бачки. (Поясняет: «Качки» – это как бы ругань по-польски или по-белорусски. «Жэбы тебе качки! – сын скажет на батьку, а мать отвечает: «Качки – не качки, а надо держаться бачки»).

Там тебя прямо за дупу – и на цвек!³⁵.

Огромное количество в исследуемых пословицах белорусских и польских глаголов *журицца* (печалиться), *жабраваць* (побираться), *маю* (имею), *ратуй* (спасай), *зробім* (сделаем), *загаіцца* (зажить), *трэба* (надо), *поментайць* (помнить), *зrobiць* (сделать), *откроиць* (отрезать) и других. Каждый глагол мы встречаем в записях не один раз. Возьмем глагол «куляцца» (кувыркаться, падать):

³¹ Там же, с. 395.

³² Там же, с. 406.

³³ Там же, с. 509.

³⁴ Там же, с. 491.

³⁵ Там же, с. 385–533.

От нашего порогу куляйся всю дорогу!

Как вкулился, так и выкулился. (Это тоже пьяниц касается – он войдёт, а его оттуда выбросят. Или спрашивают: «Был у вас?» «Был. А как вкулился, так и выкулился»).

Обобщая весь этот материал, процитируем яркую пословицу – Некриничный ручей быстро высыхает³⁶. Как жизнь ручья зависит от ключей, родников (чем их больше, тем лучше), так и пословичный фонд русских старообрядцев Литвы постоянно питают живые родники – и духовное наследие предков, и золотые зерна народной мудрости литовцев, поляков, белорусов, евреев, и новые речения.

Folklore of the Oldbelievers in Lithuania: Polish and Belarusian Constituents (Summary)

The author demonstrates with ample examples that the old believers' folklore in Lithuania has been considerably influenced by the community's long-established contact with peoples of the bordering nations. It is not characteristic for old believer communities in Lithuania to lead an insular and withdrawn life style. Often Russian villages neighbor the Lithuanian or Polish ones, and even more commonly, the population of these villages is of mixed descent, consisting of the Lithuanians, Russians, Poles, Belorussians, and Tatars of Lithuania. These favorable conditions have been fostering a "special folklore microclimate" where in active interaction and mutual enrichment of various traditional cultures can take place.

Bilingualism and polylingualism is common place in areas inhabited by the old-believers. Their ability to speak two or three of the most widespread languages has significantly contributed to their folklore repertoire and the arsenal of expressive devices. The aim of this article is to examine and define the Polish and Belarusian constituents in the Lithuanian old believers' folklore. The author maintains that the proverbial corpus of the old believers in Lithuania is constantly enriched by the ancestors' spiritual heritage, and national wisdoms of the Lithuanians, Poles, Jews, and Belorussians.

³⁶ Там же, с. 381.

Key Words: folklore of the old-believers, interaction and mutual enrichment of cultures, Belarusian and Polish constituents, folklore genres.

Folklor litewskich staroobrzędowców: składniki polskie i białoruskie (Streszczenie)

Autor artykułu pokazuje na jaskrawych przykładach, że na folklorze litewskich staroobrzędowców określone znamię odcisnęły długotrwałe kontakty z sąsiednimi narodami. Dla Litwy nie są charakterystyczne zwarte, ciężące do zamkniętego stylu życia wspólnoty staroobrzędowców. Wsie rosyjskie sąsiadują zazwyczaj z litewskimi bądź polskimi, najczęściej zaś mamy w nich do czynienia z ludnością mieszaną – Litwini, Rosjanie, Polacy, Białorusini, Tatarzy litewscy. Taki stan rzeczy stwarzał i stwarza wyjątkowo korzystne warunki, „szczególny mikroklimat folklorystyczny”, sprzyjający aktywnemu oddziaływaniu i wzajemnemu wzbogacaniu się tradycyjnych kultur różnych narodów.

Swobodne posługiwanie się staroobrzędowców dwoma bądź trzema językami sprzyjało rozszerzaniu repertuaru folklorystycznego, znacznie wzbogacało arsenał środków wyrazu artystycznego. Bilingwizm i polilingwizm – to zwyczajne zjawisko dla tej przestrzeni. Celem tego artykułu jest zbadanie polskich i białoruskich składników w folklorze litewskich staroobrzędowców. Autor artykułu dowiódł, że skarbiec przysłowiowy rosyjskich staroobrzędowców stale podsycają żywe źródła: i duchowa spuścizna przodków, i złote ziarna mądrości ludowej Litwinów, Żydów, Tatarów, a także Polaków i Białorusinów.

Słowa klucze: folklor staroobrzędowców, wzajemne oddziaływanie i wzbogacanie się kultur, składniki polskie i białoruskie, gatunki folklorystyczne